

Приложение к № 115 газеты «Великолукская правда»

6 июня 2024 года исполнилось 225 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина – великого русского поэта, драматурга и прозаика, гения русской и мировой литературы, создателя современного русского литературного языка.

Русский дух: Пушкин остается «нашим всем» третье столетие

КАК ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА СТАЛ НАЦИОНАЛЬНЫМ ПРАЗДНИКОМ

6 июня 1799 года родился Александр Сергеевич Пушкин – «наше всё», по определению, данному еще в 1859 году Аполлоном Григорьевым. Каждая юбилейная дата, связанная с Пушкиным, – повод и для научных статей, и для массовых книг, и для торжественных собраний. Так, впрочем, было не всегда. Газета «Известия» писала, как зародилась и развивалась традиция «юбилейной пушкинистики».

Мы привыкли измерять любовь к классикам юбилеями. И «пускать стыдится тот, кто плохо об этом подумает», потому что в нашей суматошной жизни только знаменательные даты и помогают оглянуться, чтобы вспомнить и осмыслить великое, чтобы перечитать то, о чем основательно забыли со школьных или студенческих лет... Трудно было бы нам без этой «датской» традиции! Как трудно переоценить роль Пушкина в становлении русского литературного языка, да и разговорной речи. Именно Пушкин научил Россию мыслить, шутить, объясняться в любви по-русски.

У русского человека, независимо от эстетических пристрастий и политических воззрений, есть представление о Пушкине как о «главном» поэте, как об «отце-основателе» и символе русской литературы. Его портрет можно увидеть едва ли не в каждом школьном классе. И мы узнаем Пушкина с полувзгляда, по силуэту, по легкой тени бакенбардов.

В нашем восприятии он как король Артур среди литературных «рыцарей круглого стола». При этом лишь немногие современники поэта осознавали столь важное значение пушкинского наследия. Канон сформировался в течение нескольких десятилетий после смерти Пушкина, а в советские времена стал, без преувеличения, всенародным.

Страна «сотворила себе кумира» – и это оказалось благом. Когда в культуре есть маяки – легче идти по курсу. Пушкин стал точкой отсчета не только для писателей. С ним связан взлет русской музыки, живописи, театра. У Пушкина учились не только ощущению «тайной свободы», не только легкости и изяществу стиля. Тысячи талантливых людей поверили, что можно реализоваться в искусстве, в литературе, в науке – не где-нибудь, а на русской почве. До Пушкина такой уверенности ни у кого не было, в культурном отношении Россия оставалась глубоко провинциальной страной.

Александр Сергеевич Пушкин. Автопортрет на листе, вклеенном в альбом Е.Н. Ушаковой. 1829 год

ПРАЗДНИКИ НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

Еще в XIX веке возникло понятие «пушкинский праздник». В те времена их еще называли «фестивалями». Самый яркий из них состоялся в Москве 6 июня 1880 года. Вообще-то тот праздник намечали на 26 мая 1880 года. Это был день 81-й годовщины со дня рождения поэта – разумеется, по старому стилю. Афанасий Фет даже написал стихи «На 26 мая 1880 года» – они и сейчас выходят под таким названием. Но в связи со смертью императрицы Марии Александровны торжества перенесли на 6 июня – то есть отметили пушкинский день по новому стилю, совсем как мы.

Памятник Александру Сергеевичу Пушкину, установленный на Страстной площади (ныне Пушкинская) в честь празднования 81-й годовщины со дня рождения поэта

Почти вся литературная Россия воодушевленно собралась на пушкинский праздник. Только Лев Толстой проигнорировал приглашение и не покинул Ясную Поляну: босоногому графу уже тогда претили многолюдные собрания и шумные чествования.

В те дни Белокаменная гуляла с размахом. Газеты рапортовали:

«С утра вся Москва на ногах... Все очевидцы этого события отмечали огромное стечение народа... Улицы и тротуары, специальные трибуны, сооруженные предприимчивыми дельцами, и амфитеатр, построенный городом для гостей-женщин, были полны народа, равно как соседние крыши и окна (где места были проданы заранее...). Когда процессия... появилась из монастырской церкви, четыре оркестра и несколько хоров и групп школьников, которыми всеми дирижировал Рубинштейн, начали исполнять гимн «Коль славен»... Площадь и прилегающие улицы были украшены гирляндами цветов. Делегаты имели особые значки и несли венки... другие несли знамена с названиями знаменитых произведений Пушкина...»

Главным событием дня, несомненно, стало открытие памятника Пушкину на Страстной площади. Это означало, что государство признает высокое предназначение русской светской словесности. Не все приняли образ, предложенный скульптором Опекушиным. Многие сочли, что автор памятника «приземлил» Пушкина, представил его слишком

обыкновенным, ординарным. Но ведь и Пушкин от высокопарности классицизма перешел к непринужденной «болтовне» («Евгения Онегина»)! Прошли десятилетия – и пушкинское изваяние с Тверского бульвара стало признанной классикой.

Николай Телешов – один из немногих долгожителей в русской литературе – 75 лет спустя вспоминал:

«Обычно памятники воздвигались на улицах Москвы только царям. И это отметил присутствовавший на торжестве Островский. Возглашая тост за русскую литературу, он метко сказал: «Сегодня на нашей улице – праздник!» Хорошо помню красивую голову маститого писателя Тургенева с пышными седыми волосами, стоявшего у подножия монумента, с которого торжественно только что сдернули серое покрывало. Помню восторг всей громадной толпы народа, в гуще которого находился и я, тринадцатилетний юнец, восторженный поклонник поэта. Помню бывших тут же на празднике писателей – Майкова, Полонского, Писемского, Островского. Помню и сухощавую, сутулившуюся фигуру Достоевского и необычайное впечатление от произнесенной им речи, о которой на другой день говорила вся Москва».

ОН НЕ СТОЯЛ ЕЩЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ...

В 1919 году, несмотря на Гражданскую войну и голод, книги Пушкина были изданы общим тиражом 750 тыс. Это считалось политически важным – чтобы установившаяся советская власть ассоциировалась в том числе и с Пушкиным. Поэтому призывы крайне левых «сбросить Пушкина с парохода современности» проходили только по разряду эпатажа. Пушкина в СССР почитали и старались интерпретировать в революционном духе. «Он не стоял еще за власть советов, но к ней прошел он некую ступень...» – провозглашал пролетарский поэт Демьян Бедный.

И все-таки в первые годы советской власти пропаганда относилась к Пушкину если не с опаской, то не без отчуждения. Иногда казалось, что он устарел, как фрак и цилиндр.

Обелиск на Черной речке, где 27 января (8 февраля) 1837 года состоялась дуэль Александра Пушкина и Жоржа Дантеса

(Окончание на 6-й стр.)

Александр Пушкин

Клеветникам России

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас?
волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор,
уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозой
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручки сольются
в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сицилийские кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей
Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами
кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?...
Вы грозны на словах – попробуйте
на деле!
Иль старый богатырь, покойный
на постеле,
Не в силах завинтить свой
измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно
слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми
до Тавриды,
От финских хладных скал
до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?...
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Русский дух: Пушкин остается «нашим всем» третье столетие

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

Новый взлет пушкинской славы начался в 1937-м, когда имя Пушкина звучало в прессе немногим реже имени Сталина. Целый год вся страна отмечала 100-летие дуэли и гибели поэта. В торжественном заседании в Большом театре участвовали все руководители страны. Этот вечер транслировался по радио на всю страну. На Черной речке открыли обелиск с барельефом поэта работы Матвея Манизера. Был восстановлен архитектурный облик квартиры-музея поэта на Мойке. В московском Историческом музее открылась Всесоюзная Пушкинская выставка – уникальная экспозиция рукописей и реликвий. Союз художников и Союз композиторов провели конкурсы на лучшее произведение о Пушкине. На экраны вышел кинофильм «Юность поэта», посвященный лицейским годам Пушкина. Кондитерская фабрика «Красный Октябрь» выпустила шоколад «Сказки Пушкина», который несколько десятилетий оставался популярной маркой.

Но главным событием стал выпуск первого тома 16-томного полного академического собрания сочинений Пушкина. Кроме него, в 1937-м вышли в свет два шеститомника и серия иллюстрированных изданий шедевров поэта.

Та пушкинская кампания ознаменовала переход от революционного авангардизма к «освоению классического наследия». Еще недавно на государственном уровне отмечались только юбилеи революционеров. А тут вдруг – камер-юнкер. Правда, свобододолюбивый. В 1937-м Пушкин официально вошел в советский культурный канон.

ЖАЛЬ, ЧТО С НАМИ НЕ ЖИВЕШЬ...

С неменьшим размахом в 1949 году отметили 150-летие со дня рождения поэта. Снова – многотиражные издания (в том числе академической 10-томник), снова в обеих столицах открылись пушкинские выставки. Снова по всей стране появились плакаты с изображением Пушкина и его крылатыми вы-

Дом поэта Александра Сергеевича Пушкина в селе Михайловское

ражениями, которые оказались весьма актуальными: «Друзья мои, прекрасен наш союз!», «Товарищ, верь: взойдет она...», «Здравствуй, племя младое!». Такие плакаты были выпущены на языках всех союзных и некоторых автономных республик. Кроме того, к юбилею восстановили пострадавшую в годы войны усадьбу поэта в Михайловском и Святогорский монастырь.

Докладчики говорили, что «Пушкин близок и дорог людям сталинской эпохи». Выставки, конференции, открытия музейных экспозиций, новое торжественное заседание в Большом театре, в котором снова принимали участие и писатели, и партийные руководители. Вечером над Москвой и Ленинградом прогремели салюты – в честь Пушкина, как в честь Победы. А на центральных улицах проходили «народные гулянья» – более церемонные и поэтические, чем обычно.

В московском Театре имени Ермоловой тем временем репетировали пьесу Андрея Глобы «Пушкин», в которой заглавный герой в исполнении отменно загримированного артиста Всеволода Якута не меньше двух часов действовал, мыслил и страдал на глазах у театральной публики. Премьера состоялась чуть позже, под занавес юбилейного года. Для нескольких поколений школьников этот спектакль стал ярким приобщением к истории русской литературы. Правда, пьеса как назло была в стихах. И сочинил их, естественно, не Пушкин, а Глоба – стихотворец, скажем прямо, довольно заурядный. Истинных ценителей поэзии коробило это зрелище: Пушкин, говорящий посредственными стихами. Но играл Якут хорошо. Даже вдохновенно.

Только одно предъюбилейное поручение партии деятели искусств выполнить не смогли: не сняли художественный кинофильм о Пушкине. Помешали самые разные обстоятельства, но главной причиной того, что такой фильм в послевоенные годы так и не состоялся, – всеобщая робость перед тенью национального гения. Поэтому и в 1949-м, и в 1974-м, и в 1984-м обошлись без художественных фильмов. Зато вышло множество документальных и учебных кинолент.

Увидеть изображение поэта можно было повсюду. В стране появилась сеть музеев Пушкина, самый удивительный из них – заповедник в Михайловском и Тригорском, который десятилетиями совершенствовал Семен Гейченко. Настоящий служитель культа!

ПРАЗДНИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

С 1967 года ежегодно в первое воскресенье июня в Михайловском, в заповеднике, устраивался Всесоюзный Пушкинский

праздник поэзии. При Союзе писателей действовал постоянный оргкомитет по проведению пушкинского праздника, возглавлял его самый телегеничный литературовед всех времен Ираклий Андроников. Традиция пушкинских дней в Михайловском продолжается и в наше время.

В 1999 году мы отмечали 200-летие со дня рождения поэта. Тот пушкинский праздник в массовом сознании смешался со встречей миллениуму. Пушкин легкой походкой шагнул в новое тысячелетие. В витринах разместились куклы с бакенбардами и при цилиндрах в окружении узнаваемых пушкинских героев. Преобразились музеи – и прежде всего московский музей поэта на Пречистенке. Борис Ельцин на радостях пообещал сделать 6 июня красным, нерабочим днем календаря. Но, по обыкновению, своего обещания не выполнил.

Из множества книг, вышедших к юбилею, выделялась капитальная «Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина» в четырех томах – плод работы нескольких поколений пушкинистов. А из государственных начинаний – учреждение медали Пушкина, которой награждают за заслуги в области культуры и искусства, просвещения и литературы.

Меняются времена, низвергаются кумиры, но Пушкин остается на своем высоком пьедестале. И не оставит его, пока звучит русская речь. В 2011 году президент России Владимир Путин подписал указ о ежегодном праздновании 6 июня Дня русского языка. Лучшей даты, чем день рождения Пушкина, для такого праздника не найти.

Арсений Замостьянов

Александр Пушкин

Но вот уж близко

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Пушкин и феномен национального гения

Почему Пушкин стал главным русским поэтом

В июне 1880 года в Москве открывали памятник Пушкину. Это событие стало громадным трехдневным праздником, торжеством русской литературы, начинавшимся в то время обретать мировое признание. Перед толпами почитателей выступали Ключевский, Тургенев, Аксаков... Но главной сенсацией стала Пушкинская речь Достоевского, которая явилась завещанием писателя, скончавшегося через полгода.

Свою речь Достоевский начал цитатой из Гоголя, который за полвека до этого назвал Пушкина «чрезвычайным и, может быть, единственным явлением русского духа», «русским человеком в его развитии, каким он, может быть, явится через двести лет». Достоевский назвал Пушкина еще и явлением пророческим и говорил не только и даже не столько о самом поэте, сколько о будущем предназначении России. Мысль, что о характере целого народа можно судить по творчеству одного (пусть даже и гениального) поэта, не показалась никому ни странной, ни удивительной. Напротив того, ко второй половине XIX века она уже успела получить общее признание. А русская литература ощущалась всеми как главное национальное достояние и центр духовной жизни всего народа.

Русская поэзия шла к такому общественному статусу более ста лет. Первые писатели Нового времени, которые появились в России после Петровских реформ, за редкими исключениями были государственными чиновниками, получавшими жалованье за свои литературные труды – прежде всего за заказные переводы и стихи по случаю придворных праздников. Один из создателей русского стихосложения, Василий Тредиаковский, был зверски избит по приказу кабинета-министра Артемия Волынского за то, что отказался написать стихотворение на свадьбу придворных шутов. Вельможа счел, что поэт преступно пренебрег своими прямыми обязанностями. Тредиаковский был вынужден подчиниться и написал поздравительную эпиграму, начинавшуюся строкой: «Здравствуйте, женившись, дурак и дура».

Чуть позже Ломоносов, также по долгу службы обязанный писать оды и похвальные царствующим особам, уже пытался реализовать в них свою мечту о высочайшем покровительстве просвещению и наукам. Ломоносов также перевел на русский язык слова Горация о том, что именно поэты создают славу героев и правителей в веках:

*Герои были до Атрида,
Но древность скрыла их от нас.
Что дел их не оставил вида
Бессмертный стихотворцев глас.*

Атрид – это греческий царь Агамемнон, воспетый в «Илиаде» Гомера. Вероятно, руководствуясь этими соображениями, Екатерина II, прочитав понравившуюся ей «Оду на великопный карусель» Василия Петрова, написанную по случаю конного праздника при дворе, назначила поэта своим придворным чтецом, а затем библиотечкарем. А потом, познакомившись с одой Державина «Фелица», даже произвела того в губернаторы – исключительно потому, что ей понравились поэтические похвалы.

*Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.*

Но как бы ни рос социальный престиж поэзии, на протяжении всего XVIII века поэт сохранял подчиненное положение по отношению к монарху.

На рубеже столетий ситуация начинает меняться: во всей европейской культуре одновременно распространяются две взаимосвязанные концепции. Несколько

упрощая, можно сказать, что это идея гения и идея народа. Слово «гений» возникло еще в Древнем Риме и обозначало тайного духа, незримо обитавшего в человеке, семье или местности и определявшего их свойства. Отсюда до сих пор сохранившееся в русском языке выражение «гений места». Потом постепенно это слово все чаще стало обозначать присутствие божества, одушевляющего творца. А с XVIII века – самого творца. Оригинальный гений – вдохновленный свыше – все чаще противопоставлялся ремесленнику, который пишет по выученным правилам и подражает предшественникам.

Немецкие литераторы 1770-х годов, которые разделяли эту концепцию, сами называли себя «бурными гениями». Почти одновременно в том же литературном кружке зарождается представление о народе – не как о совокупности подданных того или иного монарха или приверженцев господствующей церкви, но как об особой исторической личности, обладающей своим характером и неповторимым складом души, который отражается прежде всего в языке, фольклоре и народных песнях. Наиболее сильно и определенно эту точку зрения сформулировал Иоганн Готфрид Гердер:

«По языку, по тону и содержанию старинные песни представляют подлинное мышление своего племени... самый ствол, сердцевину нации. <...> Кто пренебрегает ими и не чувствует их, тот показывает, что он так погряз в пустом подражательстве всему иностранному, так запутался в невесомой мишуре чужеземного маскарада, что разучился ценить и ощущать все то, что составляет тело нации. Следовательно, он – искусственно привитый заморский побег или одиноко реющий в воздухе, оторвавшийся от ветки листок».

Для Германии, разделенной на два десятка государств, такая идея означала единство народной жизни поверх государственных границ. Идея о том, что немецкий народ существует как единое целое, была сначала (Окончание на 7-й стр.)

Пушкин и феномен национального гения

Почему Пушкин стал главным русским поэтом

(Окончание. Начало на 6-й стр.)

сформулирована в культурной плоскости, а затем перенесена в политическую. В XIX веке последователи Гедера создали на ее основе проект государственного объединения Германии.

На первый взгляд концепции гения и народа противоречат друг другу. В фигуре оригинального гения подчеркнута индивидуальность или даже индивидуалистическое начало. А образ народа, напротив того, предполагает преклонение перед началом коллективным. Однако в действительности между этими идеями существовала ясная внутренняя связь, позволившая им войти в мощный резонанс. Гений — это именно тот, кто способен выразить душу народа как коллективной личности. Великий поэт (речь чаще всего шла именно о поэзии) — это тот, кто создает на языке своего народа произведения, воплощающие его сокровенные чаяния и свойства.

В Германии на роль такого поэта постепенно выдвинулся Гете, который первоначально был одним из «бурных гениев», хотя сам в дальнейшем критически относился и к националистическим упованиям, и к так называемому языковому патриотизму своих поклонников. В Британии на эту роль был выдвинут интерпретированный в романтическом духе Шекспир. В Италии — Данте, в Испании — Сервантес. Из крупных европейских культур, пожалуй, лишь Франция не назначила своего народного гения — вероятно, потому, что представление о народе как об особой личности было специально нацелено на то, чтобы подорвать лидерство французской культуры, несомненное для эпохи Просвещения. В отличие от разделенной Германии, Россия была централизованной многонациональной империей, достигшей в первые десятилетия XIX века небывалого могущества, по крайней мере в военной сфере. И все же, чтобы чувствовать себя уверенно среди европейских народов, бурно пробуждающемуся русскому национальному самосознанию требовался свой великий поэт.

После грандиозных побед русского оружия в кампании 1812–1814 годов ожидание гения достигло своей кульминации. В эти годы был еще жив Державин, чья слава певца побед Екатерины II была исключительно велика. Более того, военная кампания выдвинула нового кандидата на роль первого поэта — Василия Жуковского. Его «Певец во стане русских воинов» был самым популярным стихотворением военных лет. А «Послание императору Александру» стало обоснованием внешнеполитического и идеологического курса русской монархии в первые годы после победы над Наполеоном. Но именно статус придворных поэтов мешал им восприниматься в качестве поэтов народных. К тому же страна, пережившая, возможно, самый героический момент своей истории, напряженно ждала нового имени.

«Пришла пора — она влюбилась», — писал Пушкин в «Евгении Онегине» о чувствах, проснувшихся в Татьяне. Так и Россия — сразу же, с первого взгляда влюбилась в своего гения. Первыми откликнулись собратья. «Пушкин уже в лице переощетлял всех писателей», — сказал Державин Сергею Тимофеевичу Аксакову, послушав, как юный поэт на лицейском экзамене читает свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». «Задавит, каналья!» — писал восхищенный Вяземский Батюшкову после того, как они с Жуковским прочитали то же самое стихотворение. Получив письмо, Батюшков, в то время знаменитый поэт, отправился познакомиться с 15-летним юношей в Царское Село.

Публика быстро подхватила эту оценку. А главное — в нее поверил сам Пушкин, точно почувствовавший, на какой источник ему необходимо ссылаться, чтобы обосновать легитимность своих притязаний. «И неподкупный голос мой / Был эхо русского народа», — написал он в послании к Плюсковой в 1819 году. Стихотворение это было посвящено жене Александра I императрице Елизавете Алексеевне, популярной среди молодых вольнодумцев. Юный автор, еще недавно выпущенный из лицея, чья литературная известность была основана на игривой поэме «Руслан и Людмила» и нескольких ненапечатанных стихотворениях вольного содержания, позволял себе проти-

вопоставлять императрицу ее царственному мужу. В отличие от Ломоносова, Державина или Жуковского, он чувствовал себя равным монарху, поскольку говорил с ним от лица русского народа. Который в то время едва ли слышал его имя. Читательская аудитория за пределами двух столиц была невелика и ограничивалась тонким образованным слоем.

Екатерина награждала и приближала к себе Петрова и Державина, Александр — Жуковского и Карамзина. Пушкина он сослал. Но в эпоху нарастающего общественного недовольства ссылка только подчеркнула статус молодого поэта, особенно выросший после появления так называемых южных поэм — «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыган». В этих поэмах Пушкин ориентировался на самое мощное и популярное явление современной ему европейской литературы — байронизм. Просвещенная Европа пристально следила за творчеством и судьбой Байрона, ставшего едва ли не первой мировой фигурой (в современном смысле) в истории мировой литературы. Заставив своих байронических героев действовать в новоприсоединенных провинциях Российской империи, на Кавказе, в Крыму и Бессарабии, Пушкин включал Россию в единую культурную жизнь европейских народов.

После разгрома декабристов император Николай I решил пойти навстречу начавшему формироваться в России общественному мнению и возратить поэта в Петербург. Взяв Пушкина под личное покровительство, он подписался под устоявшейся к тому времени оценкой значения его творчества. Как известно со слов раздраженного монарха, когда тот объявил поэту высочайшую милость, Пушкин немедленно присел на стол прямо в кабинете императора. Эта странная связь, своего рода интимность, существовавшая между поэтом и монархом, подчеркивала особые свойства русского гения. Его тайную близость и явное соперничество с государственной властью. Пушкин добросовестно и ответственно принял на себя обязанности поэта в их специфической русской версии. Он взял на себя предстательствовать перед престолом за страну и отчасти даже перед страной за престол. Фатальное взаимное непонимание обеих сторон, их существование в отдаленных друг от друга мирах нашло свое отражение в «Медном всаднике», где, как проницательно заметила Ахматова, своеобразно преломилась история бунта на Сенатской площади, мучившая Пушкина до конца его дней.

...Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обаянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился.

Пути власти и общества в России расходились непорочно. Пушкин пытался преодолеть это расхождение, которое после его гибели становится фатальным. Столь же непримиримым оказался и конфликт народности и европеизма, определивший вспыхнувшую после смерти поэта полемику западников и славянофилов. Сам Пушкин, тоже увлекавшийся в 1830-е годы идеями народности и даже писавший сказки в фольклорном духе, пытался объединить эти два начала в своем «милом идеале», как он назвал Татьяну в последней строфе «Евгения Онегина». Его русская душа героиня «по-русски плохо знала»: «И выражалась с трудом / На языке своем родном». Она была в равной степени сформирована «преданьями простонародной старины» и «обманами Ричардсона и Руссо» — образцами, почерпнутыми из западноевропейских романов.

По мере того, как монархия утрачивала свою сакральность и престиж в глазах образованного общества, романтическая абстракция народа все больше набирала в значимости и весе. Если раньше поэзия была призвана прежде всего воспевать победы государства, то теперь от нее ждали отражения глубин народной души. С 1830-х годов русская критика все больше размышляет

о народности литературы. Признанный гений у нее уже был — оставалось представить его идеальным выразителем национального духа.

Конечно, задача изобразить самого европейского из русских поэтов воплощением уникального русского характера была не из простых. В 1830-е годы популярность Пушкина падает, а литературная критика даже пыталась определить на роль народного поэта Крылова, чьи басни издавались немислимыми даже для Пушкина тиражами. И все же рядом с Шекспиром и Гете Крылов как-то не смотрелся. Поборникам русской народности надо все же было пытаться интерпретировать в своем духе творчество уже признанного гения. Критик Иван Киреевский, впоследствии один из основателей славянофильства, полагал, что Пушкин прошел через три периода: итальянско-французский (когда в подражание Лудовико Ариосто написал «Руслана и Людмилу»); английский (когда, вдохновляясь Байроном, создавал южные поэмы) и высший, собственно русский, начавшийся с «Бориса Годунова». О тех же трех периодах в творчестве Пушкина говорил в своей речи Достоевский. Большую часть речи он посвятил Татьяне, в которой увидел тип женщины совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи, которая определила, с его точки зрения, личность Онегина. Однако Достоевский не стал противопоставлять национальность Пушкина его европеизму. Он нашел иное, вполне сильное и элегантное решение. Достоевский увидел в творчестве Пушкина важнейшую черту национального характера, каким он представлялся автору «Братьев Карамазовых», — способность понимать другие народы лучше, чем те способны понимать себя сами. Он говорил:

«...В Европе были величайшие художественные мировые гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры, но... ни у кого из них не видим этой способности, а видим ее только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения. Эту способность, понятно, я не мог не отметить в оценке Пушкина, именно как характернейшую особенность его гения, принадлежащую из всех всемирных художников ему только одному, чем и отличается он от всех. <...> Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности, по крайней мере в своей деятельности, в деятельности художника».

В этом анализе есть отчетливое политическое измерение. Народ, способный понять душу других народов, является естественным лидером всемирной политической системы. Прославление всемирной отзывчивости пушкинского гения оказывается едва прикрытой легитимацией политических притязаний Российской империи. Достоевский не сомневался, что назначение русского человека — всеевропейское и всемирное. И стать настоящим русским, вполне русским, может быть, и значит только — стать братом всех людей, всех народов. Он говорил:

«Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите выкликнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей».

Миф о Пушкине обрел свою законченность и подobaющую памятнику монументальность. Конфликты между дворянским космополитизмом и романтическим национализмом, между лояльностью престолу и либеральным вольномыслием, которые составляли содержание мучений, поисков и кризиса в последние годы жизни поэта, оказались сняты в образе величественного пророка идеи имперского мессианства. Ни советские, ни постсоветские идеологи не смогли добавить к этой мифологии ничего существенно нового.

Андрей Зорин

К литературной переписке митрополита Филарета и А.С. Пушкина

Любителям русской поэзии известен стихотворный ответ приснопамятного Московского святителя, митрополита Филарета А.С. Пушкину на его, по выражению самого Пушкина, «скептические куплеты». Приведем тексты и попытаемся определить источники, послужившие для их написания. Вот что написал поэт:

26 мая 1828
Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

(Окончание на 8-й стр.)

Александр Пушкин

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желание,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818 г.

Александр Пушкин

Вольность. Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певича?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.
Открой мне благородный след
Того возвышенного Галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!
Увы! куда ни брошу взор –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.
Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит
И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.
Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
И се – злодейская порфира
На галлах скованный лежит.
Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою гибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.
Когда на мрачную Неву
Звезда полночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец –
И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.
Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!...
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.
И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

1817 г.

К литературной переписке
митрополита Филарета и А.С. Пушкина

(Окончание. Начало на 7-й стр.)

А вот ответ митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова):
*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.*

*Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.*

*Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум, –
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светел ум.*
Пушкин, продолжая тему, пишет своего рода исповедь:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

(В другой редакции:
*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*)
19 января 1830

Первое стихотворение, побудившее владыку Филарета взяться за перо, было написано в 1828 году и помечено днем рождения поэта. Эта дата усугубляет тяжесть настроения, выраженного в стихотворении. Кажется, именно эта тяжесть и подвигла чрезвычайно занятого митрополита, постоянного члена Святейшего Синода, протянуть «руку общения» (Гал. 2: 9) талантливому поэту в трудные минуты его жизни.

1828 год был для А.С. Пушкина годом решения одного из тяжелых вопросов его нравственной и творческой жизни и во многом определил общественную позицию Пушкина 30-х годов. Известно, что примерно с июня 1828 года, то есть почти сразу после дня рождения поэта, начинает работу комиссия по делу о «Гавриладице». Пушкин внешне с иронией, но внутренне тяжело переживал события этих дней. Его самого коснулось теперь то, что он писал двумя годами раньше в «Записке о народном воспитании»: «Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание, за возмутительную – исключение из училища, но без дальнейшего гонения по службе: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастью, слишком у нас обыкновенное».

Возможно, что стихотворение «Дар напрасный...» родилось именно в тревожные для него дни, а дата, подчеркивающая тщетность его рождения и предназначения, поставлена в отчаянии. (Пушкин иногда ставил фиктивные, но значимые для него даты под своими произведениями.) Известно, что работа комиссии закончилась закрытием темы и прощением поэта, приуроченным – случайно или нет – к 19 октября того же года (дню лицейской годовщины). Под этим числом читаем у Пушкина:

*Усердно помолвившись Богу,
Лицею прокрываю ура,
Процайте, братьцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.*

В самом деле, 19 октября датируется по дорожная: поэт ехал в тверскую деревню Малинники.

Митрополит Филарет, отвечая на вопрос, зачем человеку дана жизнь и зачем она «на казнь осуждена», пишет: «Не без воли Бога тайной», то есть таинственной, сие совершается. Другими словами, Господь наш, желая «всем спастись и придти в познание (разум – в славянском тексте) истины» (1 Тим. 2: 4), по Своему милосердию наказывает человека, то есть ограничивает его возможности, которые человек использует для удовлетворения своих похотей (см.: Иак. 4: 1–5). По-

этому-то Господь наказывает человека, воспитывая его с отцовской строгостью (см.: Рим. 11: 22; Евр. 12: 1–29) и заботясь о нем, как о сыне, чтобы человек не погубил и не подпал под суд вместе с погибающим в растлении, не верующим в своего Создателя миром (1 Кор. 11: 32). Святой апостол Павел, объясняя наши временные страдания здесь, на земле, пишет: «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли такой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаётся без наказания, которое всем обще, то вы – незаконные дети, а не сыны» (Евр. 12: 7–11). В другом месте читаем: «Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1 Кор. 11: 31–32), ибо Бог посылает наказание, «чтобы нам иметь участие в святости Его» (Евр. 12: 10). И воля Божия о нас, по словам апостола Павла, освящение наше, «чтобы мы воздерживались от блуда; чтобы каждый из нас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как язычники, не знающие Бога» (1 Фес. 4: 3–5). Отвечая Пушкину, митрополит Филарет имел в виду, конечно же, эти строки Священного Писания, говоря о таинственной силе Божией, пресекающей греховный путь грешника и привлекающей его к участию в святости Бога.

Что А.С. Пушкин в своей юности правильно понимал и чувствовал богообщение, митрополит, как тонкий психолог и педагог, мог заметить во время посещения лица. У самого Пушкина в стихотворении «Безверие» (1817) читаем о том, что к неверующему в Бога «не простирается из-за пределов мира... мощная рука... с дарами мира», причём мира духовного (согласно старой орфографии, это слово – мир – и написано через и-восемричное). Как просвещенный человек и поэт, владыка Филарет, конечно, знал это стихотворение лицеиста, тем более что оно было опубликовано В. Л. Пушкиным в «Трудах Общества любителей российской словесности Московского университета» (1818, ч. XII). В этом стихотворении есть и такие строки, обращенные к праведникам, считающим «мрачное безверие пороком»:

*Смирите гордости жестокой
исступленье:
Имеет он права на наше снисхождение,
На слезы жалости; внемлите брата
стон,
Несчастный он злодей, собою
страждет он.*

Не потому ли взялся за перо владыка Филарет, исполняя свой долг архипастыря и учителя? Он, мудро руководя поэтом в поисках виновника его душевных и умственных терзаний, указывает ему: ведь ты сам писал некогда, что не имеющий общения с Богом и Творцом своим «страждет собою»:

*Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.*

Зная, что юный Пушкин мог видеть «мощную руку» Божию, простирающуюся «из-за пределов мира с дарами мира» духовного, владыка Филарет так и напоминает ему о Боге:

*Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум...*

Участие столь знаменитого церковного и государственного деятеля не оставило поэта равнодушным. Узнав о стихотворении владыки от Е.М. Хитрово и еще не прочитав его, Пушкин пишет ей, что это «большая удача». Свое стихотворение «Дар напрасный...» здесь он называет «скептическими куплетами»: состояние души поэта в эту минуту понятно – острота ощущений, вызвавших «скептические куплеты», прошла. Полтора года миновало со времени их написания, и теперь нужно признать, что стихи рождены не разочарованием в жизни, а скептическим настроением. Существующее мнение о «ёрничестве» тоне фразы в письме к Е.М. Хитрово вряд ли приемлемо. Слова поэта: «стихи христианина, русского епископа в ответ на скептические куплеты» (пер. с фр.) – свидетельствуют лишь о его терминологической точности. Даже если бы Пушкин не написал в ответ владыке своего прекрасного стихотворения, он знал, когда писал Хитрово, что его слова станут известны митрополиту.

Прочитав же стихотворное наставление владыки Филарета, поэт пишет с благодарностью: «Твоих речей благоуханный отраден чистый был елей». Он исповедует и признает, что иногда «бывало», своей лире с забавой ли или от праздности «вверял изнеженные звуки безумства (ср.: «Рече безумец в сердце своем: несть Бог». – Пс. 13: 1), лени и страстей».

Думается, что, отвечая на наставления архипастыря, и сам Пушкин вспомнил свое юношеское «Безверие»:

*Во храм ли Вышнего с толпой он молча
входит,
Там умножает лишь тоску души своей,
При пышном торжестве старинных
алтарей,
При гласе пастыря, при сладком хором
ленье,*

*Тревожится его безверия мученье.
Ср. в ответе митрополиту Филарету:*

*...твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

Человек, не верующий в Бога, даже если и плачет, то

*...не те потоки слез лиются,
Которы сладостны для*

страдающих очей

И сердцу дороги свободой своей...

И, словно вспоминая о Державине дланию весь мир и простирающем руку помощи верующим в Него, своего Создателя и Господа, Пушкин адресует митрополиту, как он выразился, «русскому епископу», слова: *И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

Эта строфа очень глубока и объемна по своему содержанию. Если Пушкин в самом деле использовал стихотворение «Безверие», то, возможно, эти слова обращены к Богу Вседержителю, простирающему мощную руку Свою с «дарами мира». Не потому ли ответ Филарету был оставлен без надписания, без заглавия, что контекст данного стихотворения гораздо шире? Если же эти слова – «и ныне с высоты» – относятся к владыке Филарету, то тем самым Пушкин, обращаясь к архипастырю, возносит епископский сан его на подобающую высоту, ибо, по учению Церкви, епископ олицетворяет образ Христа (см. послания святителя Игнатия Богоносца к ефесянам, гл. 3, 6 и к траллийцам, гл. 3: «на епископа должно смотреть, как на Самого Господа»; «все почитайте... епископа, как Иисуса Христа, Сына Бога Отца, пресвитеров же, как собрание Божие, как сонм апостолов. Без них нет Церкви»). И по учению святого апостола Павла, «начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении» (1 Тим. 5: 17).

Ответ митрополита Филарета есть напоминание о Боге и вразумление человеку, впадающему в грех отчаяния.

Еще одну параллель теме пушкинского ответа находим в Послании апостола Павла к галатам: «Братия! если и впадёт человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости... Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6: 1–2). Ср. у Пушкина:

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

Именно этот фрагмент из послания апостола Павла всегда читается на литургии в дни памяти святого благоверного князя Александра Невского. Поэтом Пушкин слышал эти слова и в день своих именин, и присутствуя на торжественных литургиях и молебнах в день ангела императора Александра I. Его, как одухотворенного человека, не мог не интересовать вопрос: как можно «исполнить закон Христов»?

И еще один момент. Человек, знакомый с православной гимнографией, обратит внимание на знакомое словосочетание: «с высоты... силой». 26 мая (ст.ст.) – день рождения поэта – иногда попадает в период празднования и поспраждения Пятидесятницы – дня Святой Троицы. В одном из песнопений на этот двенадцатый праздник есть слова: «С высоты силою учеником, Христе, дондеже облечетесь рекл еси...» (ирмос 3-й песни канона). Пушкин читал «обычи родной старины», в которые входило посещение храма по великим праздникам. Кроме того, известно, что он самостоятельно изучал Священное Писание. Таким образом, отвечая митрополиту Филарету и используя слова общего для них лексикона, Пушкин не только выражает благодарность за внимание к его духовным и душевным терзаниям, но и показывает, что он не чуждое чадо для Церкви Христовой.

Священник Иоанн Малинин
8 июня 2006 г.